

Управление инновациями в отраслевой и региональной экономике

DOI: <http://doi.org/10.34981/Lab-67.2021.innovconf.9-ratner-sv>

С.В. Ратнер

Сравнительный анализ барьеров для повышения ресурсной эффективности в России и странах Евросоюза¹

Циркулярная экономика в настоящее время завоевывает все большую поддержку в бизнес-сообществе и на уровне властей по всему миру как модель экономического роста, позволяющая преодолеть ресурсные ограничения и остановить рост негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду [1-3]. Бизнес играет решающую роль в развитии циркулярной экономики. Однако внедрение даже протестированных циркулярных бизнес-моделей является нелегкой задачей для предприятий. Все современные инструменты ведения бизнеса сформировались под воздействием линейной модели экономики и сводятся к достижению двух целей – снижению затрат на производство продукции и увеличению продаж. Эти инструменты не предусмотрены для работы в условиях циркулярной экономики [4]. Поэтому правительства развитых стран, принявших на национальном уровне стратегии развития ЦЭ, разрабатывают и внедряют в практику различные меры поддержки предприятий, стремя-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00383 «Модели и механизмы перехода к циркулярной экономике в условиях институциональных ограничений».

щихся к внедрению циркулярных моделей, и, наоборот, дестимулируют неэффективное расходование ресурсов, повышенное образование отходов и другие негативные воздействия предприятий на окружающую среду [5-6].

В России концепция циркулярной экономики пока не получила признания в обществе и во властных структурах. Отдельные ее элементы реализуются в рамках национального проекта «Экология» [7], находят отражение в нормативно-правовых актах [8], в частности, в изменениях Федерального Закона 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», целью которых является введение принципа расширенной ответственности производителя за утилизацию продукции после ее использования потребителем. Однако даже терминология в области циркулярной экономики пока не имеет стандартизированного перевода на русский язык. Чаще в научной и аналитической литературе употребляется термин ресурсная эффективность, который в общих чертах отражает принципы циркулярности, как минимум, в производственной сфере [9]. Сложившейся системы институтов поддержки развития ЦЭ в России нет.

Целью настоящего исследования является сравнение барьеров и драйверов повышения ресурсной эффективности производственной сферы в России и странах Евросоюза. Для сравнения барьеров и драйверов развития ЦЭ в странах Евросоюза, как группы стран с хорошо развитой системой институциональной поддержки, и России, как страны, не имеющей такой системы, мы использовали метод опроса представителей бизнеса по опроснику, составленному в рамках проекта Flash Eurobarometer 456 "SMEs, resource efficiency and green markets". Вопросы данного опросника были составлены таким образом, чтобы получить данные о текущих и планируемых мероприятиях компаний по повышению ресурсной эффективности, причин, по которым компании предпринимают или не предпринимают шаги по повышению ресурсной эффективности, а также то, какими видами государственной или иной поддержки предприятия пользуются и какие виды поддержки хотели бы получить.

Опрос российских предприятий проводился в апреле – июне 2020 года. Всего в опросе приняли участие 53 компании, из различных секторов экономики. 64,1% из опрошенных компаний являются малыми, 22,6% – средними и 13,3% – большими компаниями с количеством сотрудников более 250.

Первый вопрос опросника звучал следующим образом: «Какие меры по повышению ресурсной эффективности предпринимает ваша компания?». Выяснилось, что первые три самых популярных ресурсосберегающих мероприятия в России такие же, как и в ЕС. Почти половина всех российских компаний заявляет, что минимизируют отходы (49,1%). На втором месте по популярности стоит экономия энергии (47,2%) после экономии материалов (45,3%). В отличие от ЕС, только 3,8% российских компаний

используют преимущественно возобновляемые источники энергии, а 11,3% разрабатывают продукты, которые легче обслуживать, ремонтировать или повторно использовать. Ровно такая же доля российских компаний, как и в ЕС (11,3%), не предпринимает никаких действий по повышению своей ресурсоэффективности (рис. 1).

Затем компаниям задали вопрос о дополнительных мерах по повышению эффективности использования ресурсов, которые они планируют реализовать в следующие 2 года. Наибольшая доля российских компаний собирается экономить электроэнергию (59%), тогда как 57% собираются минимизировать отходы и 51% собираются экономить сырье. Отметим, что эти меры наиболее популярны и среди компаний ЕС. Наиболее заметная разница в ответах на этот вопрос между российскими и европейскими компаниями заключается в ответах на экономию воды и использование возобновляемых источников энергии. Только 11,3% российских компаний собираются принимать меры по экономии воды против 45% европейских компаний, и только 11,3% компаний в России собираются использовать возобновляемые источники энергии по сравнению с 22% компаний в Европе. Удивительно, но только 7,5% компаний в России вообще не собираются предпринимать какие-либо действия против 19% таких компаний в ЕС.

Следующий вопрос касался влияния действий компаний по повышению эффективности использования ресурсов на производственные затраты за последние два года. Респонденты могли выбрать ответ из следующих вариантов: 1) значительно снизился; 2) немного уменьшилось; 3) немного увеличился; 4) значительно увеличился; 5) без изменений; 6) не знаю.

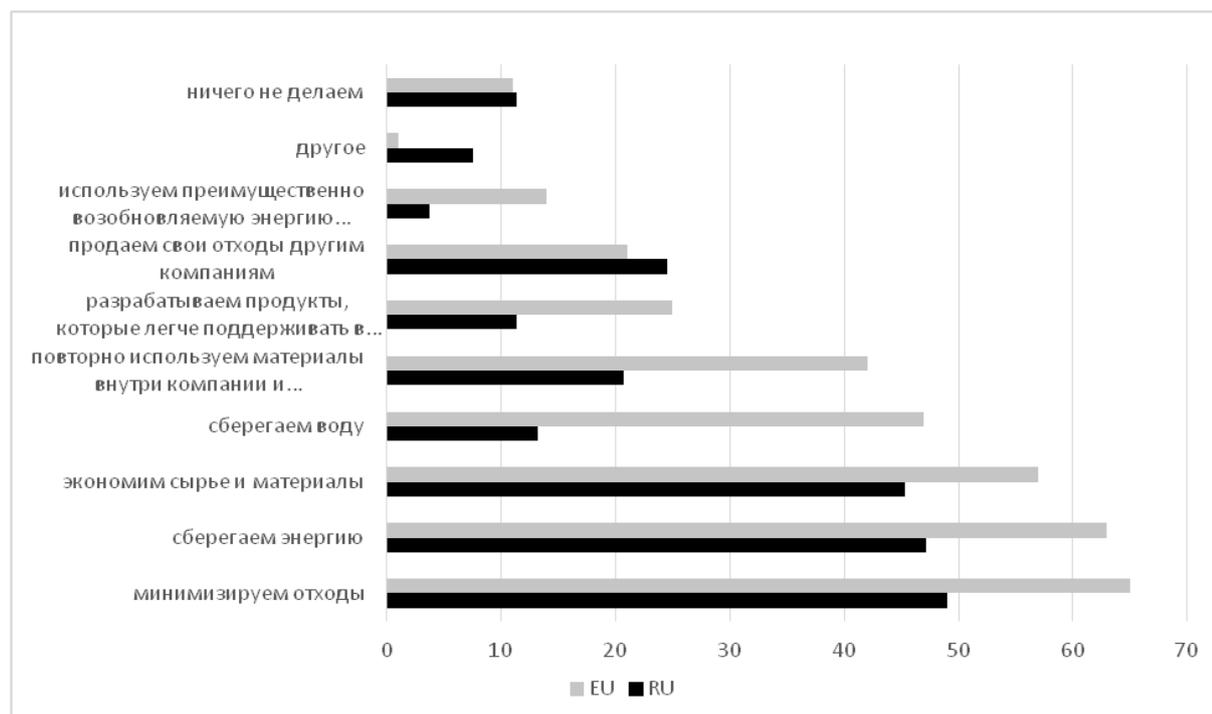

Рис. 1. Меры по повышению ресурсной эффективности

По сравнению с ответами компаний ЕС, все больше российских предприятий сообщают, что их меры по повышению ресурсоэффективности привели к увеличению производственных затрат. 22,6% российских компаний заявили, что их производственные затраты немного увеличились (против 14% в ЕС), а еще почти 19% сообщили, что их производственные затраты значительно выросли (по сравнению с 4% в Европе).

Уровни инвестиций в ресурсоэффективность в России и в среднем по ЕС почти одинаковы (рис. 2). 32% и 30% опрошенных компаний не инвестировали в ресурсоэффективность в России и Европе соответственно. 32% против 25% инвестировали менее 1% годового оборота. Самый большой разрыв между российскими и европейскими компаниями по уровню инвестиций можно отметить только на уровне 1-5% годового оборота: только 11,3% опрошенных российских у компаний такой уровень инвестиций в ресурсоэффективность по сравнению с 25% в ЕС.

Затем компаниям было предложено более подробно рассказать о видах поддержки, которые они получают. Распределение ответов в России и ЕС существенно различается (рис. 3). В ЕС почти половина (47%) всех компаний сообщают, что они получают консультации или другую нефинансовую помощь от частных консалтинговых и аудиторских компаний (самый популярный вариант). В России доля таких компаний всего 12,5%. 31% компаний в ЕС пользуются советами или другой нефинансовой помощью от бизнес-ассоциаций, а 30% берут частное финансирование от банка, инвестиционной компании или фонда венчурного капитала. В России доли таких компаний составляют всего 17,5% и 20% соответственно.

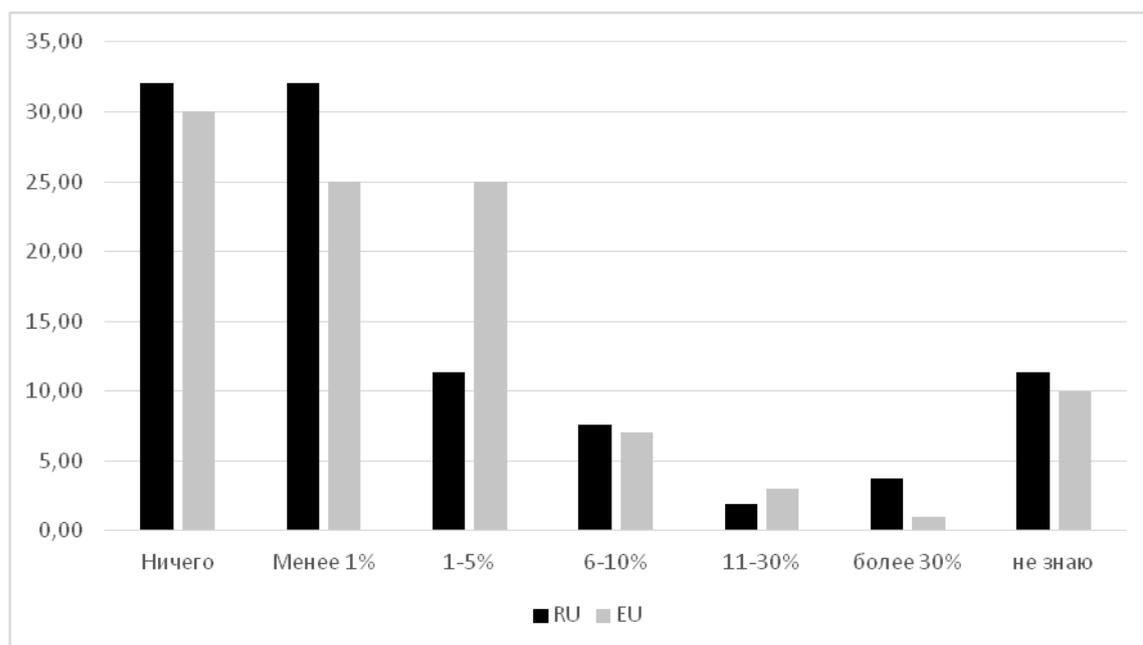

Рис. 2. Объемы инвестиций в повышение ресурсной эффективности

Затем, на вопрос о препятствиях на пути к более высокому уровню ресурсоэффективности, почти 40% европейских компаний отвечают, что их нет, по сравнению с 2% таких компаний в России. На данный момент — это самая большая разница. В остальном все основные проблемы выглядят одинаково: наиболее часто упоминаемым препятствием является сложность административных или юридических процедур (отметили 37,7% респондентов в России по сравнению с 33% в ЕС), сложность адаптации экологического законодательства к конкретной компании (упоминается 30,2% российских компаний по сравнению с 22% в ЕС), технические требования законодательства не актуальны (упомянуты 28,3% респондентов в России по сравнению с 20% в ЕС), а также стоимость природоохранных мероприятий (26,4% в Россия и 24% в ЕС).

Среди европейских компаний почти четверть говорят, что они получают государственное финансирование (гранты, гарантии или займы), и такая же доля говорит, что они пользуются советами или другой нефинансовой помощью со стороны государственного управления (рис. 3). Среди российских компаний только 17,5% получают государственное финансирование и только 12,5% пользуются нефинансовой помощью со стороны государственного управления. Только 8% компаний в ЕС полагаются на частное финансирование от друзей и родственников по сравнению с 17,5% в России.

Последний вопрос опроса касался мер, которые, по мнению компаний, могут помочь им повысить эффективность использования ресурсов.

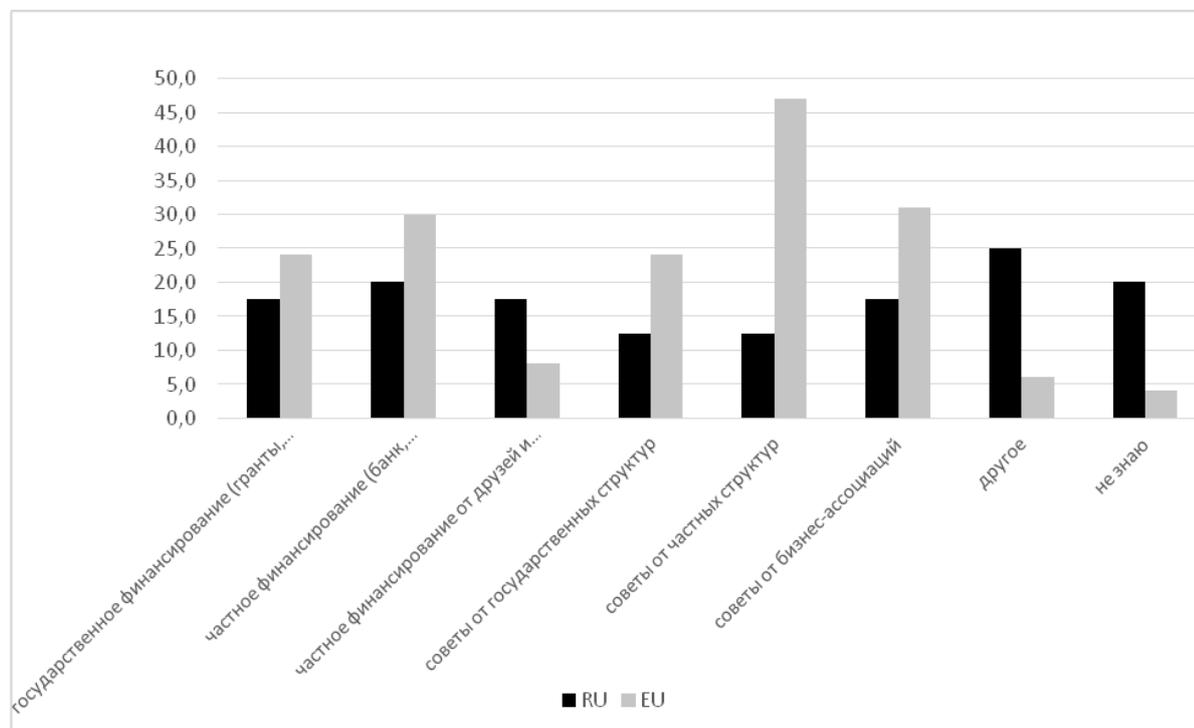

Рис. 3. Виды поддержки мер по повышению ресурсной эффективности

Компании могли выбрать максимум 3 варианта (рис. 4). Удивительно, но двумя наиболее популярными ответами российских компаний были «Демонстрация новых технологий или процессов для повышения эффективности использования ресурсов» (47,1%) и «Улучшение сотрудничества между компаниями в разных секторах, чтобы можно было использовать новые процессы повторного использования отходов и побочных продуктов» (39,6%). В Европе эти меры выбрали только 22% и 20% опрошенных компаний соответственно (рис. 4). Ответ «Гранты или субсидии» был популярен как в России (выбрали 37,7% компаний), так и в ЕС (36%), но в ЕС он является лидером среди всех других желаемых мер, в то время как в России он занимает лишь третье место. Еще одно интересное отличие состоит в том, что 20% европейских компаний говорят, что ни одна из предложенных мер не поможет им повысить эффективность использования ресурсов, тогда как ни одна российская компания не выбрала этот ответ.

Таким образом, наиболее существенная разница между странами с действующей системой институциональной поддержки и Россией, как страны без такой системы, лежит в нормативно-паровой сфере и сфере информации и осведомленности о новых доступных технологиях и способах повышения ресурсной эффективности, их коммерческой привлекательности и организационной реализуемости. Причем, если изменения в первой сфере невозможны без участия государства, то изменения информационного поля возможны даже без заинтересованности государственных структур.

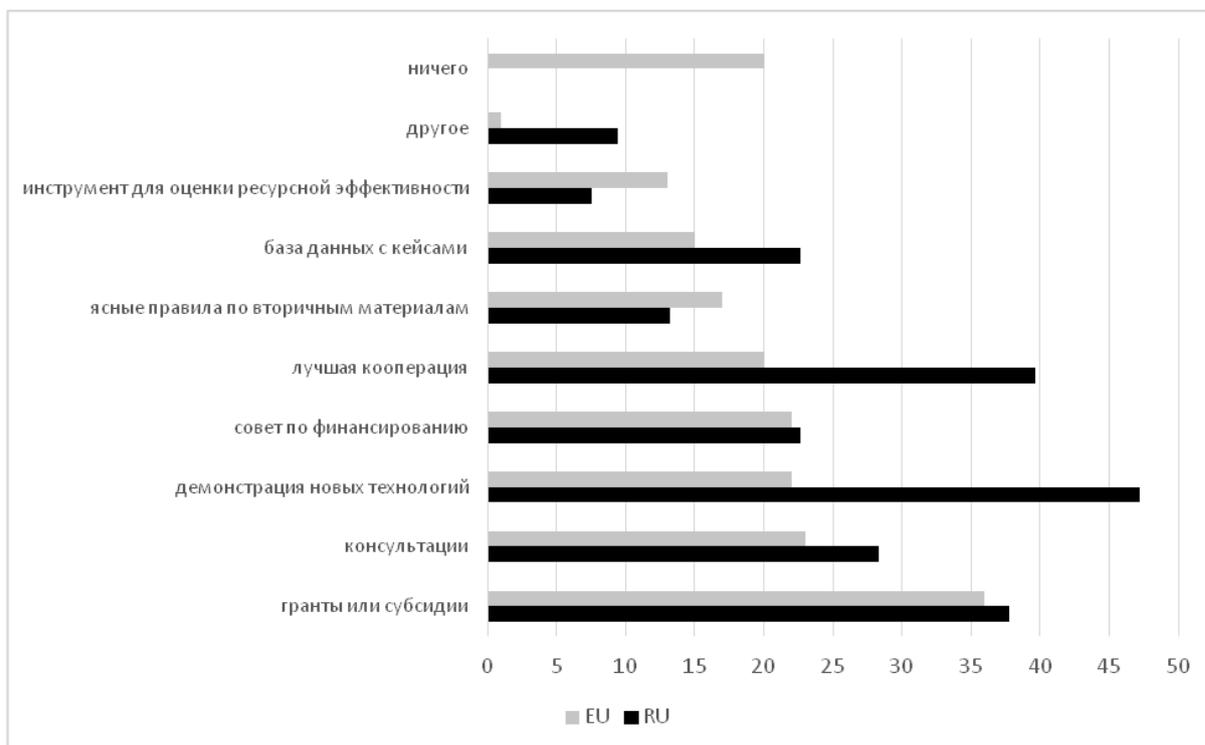

Рис. 4. Желаемые меры поддержки

Акторами таких изменений могут стать международные компании, обладающие доступом к новым ресурсоэффективным технологиям и методам организации бизнес-процессов.

Литература

1. Lewandowski, M., 2016. Designing the Business Models for Circular Economy — Towards the Conceptual Framework. *Sustainability* 8, 43.
2. Nußholz, J.L.K., 2017. Circular business models: Defining a concept and framing an emerging research field. *Sustainability*, 9, 14–17.
3. Korhonen, J., Honkasalo, A., Seppälä, J., 2018. Circular Economy: The Concept and its Limitations. *Ecology Economics*. 143, 37–46.
4. Bocken, N.M.P., Short, S.W., 2016. Towards a sufficiency-driven business model: Experiences and opportunities. *Environmental Innovations and Societal Transitions* 18, 41–61.
5. Ranta, V., Aarikka-Stenroos, L., Ritala, P., Mäkinen, S.J., 2018. Exploring institutional drivers and barriers of the circular economy: a cross-regional comparison of China, the US and Europe. *Resource, Conservation, and Recycling*, 135, 70–82.
6. Russell M., Gianoli A., Grafakos S., 2020. Getting the ball rolling: an exploration of the drivers and barriers towards the implementation of bottom-up circular economy initiatives in Amsterdam and Rotterdam. *Journal of Environmental Planning and Management*, 63 (11), pp. 1903-1926.
7. Semenova G., 2020. Global environmental problems in Russia. *E3S Web Conf. Volume 157. Key Trends in Transportation Innovation (KTTI-2019)*. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015702023>.
8. Berezin A., Ratner S., 2019. Policy transition to low-carbon economy in Russia: state support measures. *The 13th International Days of Statistics and Economics Conference Proceedings*, 120-130.
9. Reike, D., Vermeulen, W. J. V., Witjes, S. 2018. The circular economy: New or Re-furbished as CE 3.0? — Exploring Controversies in the Conceptualization of the Circular Economy through a Focus on History and Resource Value Retention Options. *Resource, Conservation, and Recycling*, 135. P. 122-135.